

Ахмадеев Камиль Наилевич**Akhmadeev Kamil Nailevich**

аспирант кафедры российской политики
факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета

PhD student, Russian Politics Subdepartment,
Political Science Department,
Saint Petersburg State University

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРАДИЦИОННОГО ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА: ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

BASIC CHARACTERISTICS OF TRADITIONAL CHECHEN SOCIETY: ECONOMIC, POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

Аннотация:

В статье определены базовые характеристики традиционного чеченского общества. Рассматривается понятие историко-культурной области в качестве инструмента, позволяющего проанализировать этническую общность в связке с другими этнообщностями, имеющими общую геоландшафтную среду. Описывается базовое разделение чеченцев согласно основным видам трудовой деятельности: земледелие и скотоводство. Особое внимание уделено факту отсутствия в традиционном чеченском обществе социального неравенства, классов, имущественная дифференциация среди чеченцев не культивировалась. Анализируются хозяйственно-экономические связи чеченской этнической общности. Выделены особенности правового регулирования общественных отношений у чеченцев. Показано существование норм религиозного и обычного права. Представлена типология адатов как совокупности норм обычного права в традиционном чеченском обществе. Охарактеризованы особенности укоренения норм религиозного права у равнинных и горных чеченцев, система органов управления в традиционном чеченском обществе.

Ключевые слова:

чеченцы, хозяйственно-экономические отношения, право, адат, шариат, тейп, тукхум, историко-культурная область.

Summary:

This article defines the basic characteristics of traditional Chechen society. It reviews the concept of historical and cultural area as a tool to analyze an ethnic community in conjunction with other ethnic communities with a common geo-landscaped environment. The paper describes the basic division of the Chechens according to their main labour activity such as agriculture and animal husbandry. Special attention is paid to the lack of social inequality and classes in traditional Chechen society; wealth differentiation was not cultivated among the Chechens. The author analyzes the economic relations of the Chechen ethnic community, identifies the features of legal regulation of public relations of this ethnic group, and describes the coexistence of religious and customary laws. The study presents the classification of adats as a set of rules of customary law in traditional Chechen society. The article discusses the features of establishing the rules of religious law among plains and mountain Chechens as well as the government system in traditional Chechen society.

Keywords:

Chechens, economic relations, law, adat, Sharia, teip, tukkhum, historical and cultural area.

Чеченцы (самоназвание «нохчи») представляют собой автохтонный народ на Северо-Восточном Кавказе с численностью населения около 1,5 млн человек, что делает их крупнейшим этносом на всем Северном Кавказе. Безусловно, близки к чеченцам по культуре, религии, социальной структуре, генотипу и иным параметрам ингуши, соседний народ. В совокупности они образуют одну общность – вайнахи (по-чеченски 'наш человек'). Связанность чеченцев с ингушами обусловлена их кровным родством, исторической, территориально-языковой, экономической и социокультурной общностью. Чеченцы и ингуши говорят на нахском языке северокавказской группы иберийско-кавказской семьи языков. В составе чеченского языка имеются семь диалектов: аккинский, чеберлоевский, плоскостной, мелхинский, галанчоожский, кистинский и итумкалинский. Однако этнографы традиционно делят чеченцев на три этнографические группы по диалектам. Первую группу, наиболее многочисленную, составляют чеченцы, непосредственно проживающие на территории Чечни, вторую – чеченцы-кистинцы, проживающие в районе Панкисии в Грузии, а третью – чеченцы-аккинцы, живущие преимущественно в Хасавюртовском районе Республики Дагестан.

Для анализа состояния всякого этноса этнологами используется понятие историко-культурной области, позволяющее рассмотреть этническую общность в связке с другими этнообщностями, имеющими общую геоландшафтную среду. Чеченская этническая общность является частью Кавказской историко-культурной области, входящей в состав Восточно-Европейской провинции, к которой относятся как территории Российской Федерации, так и зарубежные государства (страны Закавказья). Отличительной характеристикой Кавказской историко-культурной об-

ласти является пестрая этнокультурная и лингвистическая мозаика. Однако для чеченского региона характерно доминирование автохтонного (чеченского) населения над всеми другими этническими группами республики. Исходя из наличия горных массивов на территории чеченского ареала следует вывод о вертикальной зональности ландшафта Чечни, для которого характерны следующие особенности:

- понижение температуры воздуха;
- увеличение (до определенной высоты) количества атмосферных осадков;
- возрастание облачности;
- усиление поверхностного стока;
- интенсивность эрозионных процессов;
- изменение характера растительности, почв и животного мира [1].

Вертикальная зональность ландшафта нашла свое отражение в производственно-хозяйственной структуре чеченской этнообщности. Чеченцы делились на группы согласно базовому разделению трудовой деятельности – скотоводство и земледелие. С повышением высоты местности роль земледелия в традиционном чеченском обществе уменьшалась, при этом роль скотоводства увеличивалась. При этом, как указывает Е.С. Арляпова, «неправомерно утверждать его (*земледелия*. – *Прим. авт.*) полное отсутствие в горной части. Если на равнине преобладало пашенное земледелие, то в горах развивалось террасное» [2, с. 66]. Поэтому распространенное убеждение о непригодности чеченских жителей горных районов к чему-либо иному, кроме набегов на равнинные земли, несостоятельно. Нельзя утверждать, что горные чеченцы были потомственными земледельцами, но и об отсутствии данного вида труда у горцев говорить тоже неверно. Их отличительные особенности от соплеменников, проживающих в равнинной части Чечни, заключались в более высокой степени пассионарности и обуславливались тем, что они, как указывает Р.Г. Ланда, «больше всего пострадали от преследований, как до 1917 г., так и после» [3, с. 276].

Уникальность чеченского паттерна общественных отношений выражалась в отсутствии объективных условий формирования таких социальных единиц, как классы, что исключало вероятность возникновения социального неравенства в чеченском обществе в полном смысле этого слова. Устойчивость патриархально-общинных институтов чеченской этнической системы способствовала возникновению социального неравенства лишь между тейпами как родо-племенными образованиями, а имущественная дифференциация как основа всякого социального неравенства среди чеченцев попросту не культивировалась. Стоит заметить, что чеченское этносообщество всегда имело в своем составе зажиточные и нищие роды, при этом такие атрибуты неравенства, как наемный труд, крепостничество, разновидности бесправия и унижения, у чеченцев отсутствовали. Данный исторический факт отличал чеченцев от других этнических групп Кавказского региона, имевших в своих социальных практиках сословный характер внутриэтнических связей. Все социальное неравенство у чеченцев ограничивалось лишь наличием так называемых «благородных» (оьзда) тейпов, семей, людей, в то время как в других этнотерриториях Северного Кавказа были распространены беки, ханы, мурзы и т. д. К примеру, в Кабарде и Дагестане были распространены такие понятия, как «тума» и «чанка», означающие детей, рожденных от богатых кабардинцев или представителей народностей Дагестана и бедных женщин. Они лишались прямого наследства своих богатых отцов по факту наличия низкословной матери, что было невымыслимо для чеченцев.

К концу XIX в., когда можно говорить о складывании этничности, проявляющейся через идентификацию большинства членов себя как единой этнокультурной общности, чеченская этническая система состояла из социально-правовых институтов, права, морали, принципов и норм поведения. Территориальным институтом общественно-политических отношений выступала община, родовым институтом – тейп. В качестве норм обычного права существовали адат, институт кровной мести, общественная мораль, а также шариат – нормы религиозного права, тесно переплетенный с традиционной правовой системой чеченцев. Пусть и аморфным, но все же выборным органом общего управления был совет страны, а систему органов местного самоуправления составляли советы старейшин – меххелы. Структурным элементом социальной системы чеченцев был также тукхум, и, в отличие от тейпов, он не имел официального главы, являл собой скорее общественную организацию, чем орган управления.

Правовые обычаи, в том числе у чеченцев и ингушей, называемые «адатами», играли и продолжают играть важную роль в их обыденной жизни. Адат в переводе с арабского означает 'обычай'. Он регулирует вопросы в самых разнообразных сферах и отражает реалии правовой жизни, не обозначенные в шариате. Адат как свод традиционных обычаев распространен у народов Кавказа, Средней Азии, Центральной Африки и др. Являясь одним из самых архаичных этносов Северного Кавказа, чеченцы сохранили адат, в значительной мере используя его нормы и сегодня. Адат являлся основой функционирования общественных отношений в доисламский период и по сей день остается важным институтом регулирования социально-правовых отношений.

Нормы обычного права не только выступали регулятором общественных отношений в доисламский период, но и являлись инструментом поддержания этнического и культурного единства чеченцев от саморазрушения, гармонично включаясь в национальное самосознание вайнахов.

Согласно современному полевому исследованию О.В. Елфимова, проанализировавшего распространение обычного права в различных районах Чечни, чеченский адат у равнинных и горских тейпов Чеченской Республики существенно различается. Равнинные тейпы более исламизированы, и их нормы адата имеют много правовых новаций из шариата. Горские тейпы исламизированы в меньшей степени, ислам там воспринимается просто как религия, и шариат не имеет существенного влияния на обычное право. Это связано с более поздним распространением ислама в горных районах. Среди равнинных чеченцев ислам и сопутствующие исламу ценности стали распространяться примерно на 150 лет раньше [4, с. 274–276]. О.В. Елфимов в своей работе приводит слова кавказоведа С.-М. Хасиева из статьи в газете «Даймехканаз» (с чеченского 'Голос Отчизны'): «Есть адаты, возвышающие достоинства человека, помогающие ему стать выше. Им противостоят адаты, которые называют горско-языческими (ламкерсты)». К примеру, у чеченцев есть институт кровной мести (чир) и, согласно правовой практике равнинных чеченцев, он не распространяется на подростков, стариков и женщин, однако те, кто следует ламкерстам, могут убить даже женщину. За кражу в правовой системе равнинных чеченцев вора заставляли компенсировать ущерб. При повторном преступлении следовало изгнание из рода. У горских чеченцев за кражу вора могли сразу изгнать из рода. Меньшая исламизированность горских тукхумов выражалась также и в малом количестве шариатских судей (кади) и улемов (знатоков ислама) в судопроизводстве. Однако даже в равнинных чеченских тукхумах авторитет старейшин рода, как указывает О.В. Елфимов, был всегда выше мнения муллы.

Любопытным представляется судопроизводство по разногласиям, возникающим между тукхумами. В судебном процессе в таких случаях зачастую смешивали нормы обычного и религиозного права. Судьи в этих делах были выборными, причем с каждой стороны выдвигались свои кандидатуры судей. Решение, вынесенное в этих процессах, признавалось лишь тогда, когда оно было единогласным. Учитывая, что судейский корпус для подобных дел состоял из представителей противоборствующих сторон, единогласное решение выносилось реже. При этом на практике даже единогласное решение могло быть проигнорировано проигравшей стороной.

Таким образом, несмотря на то что чеченская правовая система уже была сформирована в XIX в. и действовала значительное время на территории Чечни в XX в., региональные различия и особенности не дали ей возможности сформироваться в единую общенациональную правовую систему [5]. Однако Б.Б. Нанаева в качестве причины, по которой обычное право у чеченцев так и не обрело характер действенного механизма правового регулирования, указывает отсутствие соответствующих для этого социально-политических условий, в первую очередь государственной политической системы [6, с. 249].

Значение ислама для политико-правового аспекта чеченского традиционного общества было высоким. Особенно укрепилось влияние ислама в Дагестане, Чечне и Ингушетии в период освободительного движения горцев под руководством Шамиля [7, с. 344]. Ислам выступил катализатором генезиса новых политических институтов, главным из которых было теократическое государство с преобладанием религиозных институтов управления над светскими. «С провозглашением имамом Шамиля этот процесс получает реальное воплощение. Шамиль утверждает себя как правитель Чечни и Дагестана; он создает постоянное войско, налоговую систему, вводит новое административное деление, различные государственные институты» [8, с. 147].

Распространение ислама на Кавказе имело большое значение и для конструирования новых социокультурных и философско-концептуальных парадигм. Б.Б. Нанаева пишет по этому поводу следующее: «Ислам, появившись на Кавказе в VIII в. и внедрившись в конце XVII в. в его сообщества, не только стал связующим звеном между его народами, но и принес новую систему нормативного регулирования. При этом шариат не только выступал в качестве религиозно-правовой системы, приобщение к которой было большим шагом вперед, но и принес с собой целый комплекс институтов, которые охватили большой пласт социально-духовной жизни народов, в том числе и чеченцев, оказав сильное влияние на культурные, национальные и юридические традиции этносов» [9, с. 300]. Несмотря на кажущуюся на первый взгляд дихотомичность институтов религиозного и обычного права, в практике чеченского народа противоречий между ними было не много. Б.Б. Нанаева пишет: «Нормы обычного права в соединении с требованиями мусульманского права отличались трезвостью взгляда, ярко выраженным практицизмом и по многим вопросам выступали в качестве умиротворяющего фактора» [10, с. 301].

Установление норм религиозного права в Чечне шло эффективно, однако говорить о полной замене адата шариатом не приходится. Население активно препятствовало тотальной за-

мене сложившихся за столетия норм, оказывая сопротивление лидерам национально-освободительного движения. Известно, что в эпоху имама Шамиля сфера функционирования обычного права была существенным образом ограничена, уголовное правосудие осуществлялось исключительно по мусульманским правовым канонам. Вызвав ожесточенное сопротивление своего народа, имам Шамиль вынужден был в этом вопросе уступить. Знаменитым стало его высказывание, что «горец не отступится от своего обычая, хотя бы этот обычай – ходить без рубахи». Взаимодействие и тесное переплетение обычно-правовых и религиозно-правовых норм привело к разделению сфер, подлежащих их регулированию. Шариатом регулировались преимущественно гражданские дела (споры между супругами, родителями и детьми, вопросы завещания и религиозные споры), а адатом – преимущественно уголовные дела (убийства и кровная месть, похищения невест, поджоги, воровство, грабежи, имущественные споры, нанесение ран и увечий). Фактором успеха распространения шариата среди горцев являлась идентичность позиций мусульманства и традиционного чеченского общества в вопросе размежевания сфер права и этики, характерного для западной цивилизации. Согласно мусульманским канонам этика и право – вещи неотделимые и первое плавно вытекает из второго, являясь его порождением. То же самое касалось и социокультурной системы чеченцев в доисламский период, когда нормы морали и общественного поведения детерминировались традиционным обычным правом горцев.

Таким образом, правосудие у чеченцев осуществлялось на основе традиционного обычного права – адата и религиозного права – шариата, основанного на предписаниях ислама. С установлением советской власти все дела стали вестись в соответствии с законодательством СССР. Исключение касалось лишь дел, связанных с семейно-имущественным разделом. При этом говорить об исчезновении адата из всех сфер жизни чеченского общества не приходится, он оставался. По словам Б.Б. Нанаевой, «порой он мог влиять даже на решение народных судов – ведь не все национальные правовые обычаи были вредны. Порой стороны соглашались разрешить спор мирным путем, и дело не доходило до суда» [11, с. 304].

Традиционные социальные институты чеченцев тейп и тукхум сегодня не выступают акторами чеченского этнополитического процесса, однако выполняют задачи более низкого уровня. Как указывает М. Вачагаев, «все его (*тейпа*. – *Прим. авт.*) функции сегодня сконцентрированы на решении более “приземленных” задач, т. е. на общественно-бытовых вопросах: свадьбах, похоронах, кровной мести, земельных конфликтах и т. д.» [12].

Как отмечают современные исследователи, «в настоящее время религия становится одним из легитимных факторов общественной и политической жизни Чеченской Республики. К основополагающим ценностям ислама обращаются представители государственной власти, тем самым подчеркивая их значимость и свою приверженность им» [13, с. 144].

Другой важной характеристикой чеченского традиционного общества является историческое отсутствие профессионального труда управленцев, что определило системе социальных институтов ведущую роль в контроле и интеграции общества. Именно система социальных институтов как совокупность норм, обычаев, традиций, коммуникаций, практик в условиях отсутствия политического класса обеспечивала внутриобщинный порядок и являлась инструментом консолидации чеченского народа. Характер межличностных коммуникаций регулировался внутренними неписаными нормами, что требовало серьезного к себе отношения. В условиях отсутствия классовой стратификации общества институт коммуникации между индивидами приобретал дополнительную актуальность. Отсюда квинтэссенцией чеченской ментальности, особым выражением отношения к окружающему миру стал своеобразный Кодекс чести вайнаха – Нохчалла, неписанный свод принципов морально-нравственных черт чеченца. Историческое отсутствие политического класса у чеченцев препятствовало возникновению феодальной власти и феодальной аристократии в обществе. Стремление к социальной унификации поддерживалось на внутриобщинном уровне. «В своей основной массе вайнахи очень настороженно и чутко относились ко всяким попыткам и поползновениям к зарождению феодальной власти и феодальной аристократии и общими усилиями в корне пресекали их. Об этом свидетельствуют богатейший фольклорный материал и обычай байтал вакхар (раскулачивание), бытовавший у чеченцев и очень редко встречающийся у других народов» [14, с. 190].

Основным субъектом всех политико-правовых взаимоотношений традиционного чеченского общества являлась общность, интегрированная на основе социальных и религиозных (исламских) нормативов. Наличие такой автономной самоуправляемой единицы, как общность, находящей свое выражение в тейпе, тукхуме и т. д., может служить объяснением исторического выбора стратегии на агрессивное отторжение иных моделей политико-правового управления этого региона. Как утверждает исследователь Д.Э. Фурман, социальная структура чеченцев

«культивирует, с одной стороны, свободу и равенство, нежелание и даже неспособность поддаться любому внешнему принуждению, а с другой – сильный конкурентный дух (в рамках собственной социальной среды) и чувство чести» [15, р. 8–9].

Ссылки:

1. Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977. 296 с.
2. Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917–2000 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 66.
3. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 276.
4. Елфимов В.О. Региональные особенности обычного права (адата) чеченцев XV–XX вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2008. Т. 21 (60), № 2. С. 274–276.
5. Там же.
6. Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М. ; Ростов н/Д., 2011. С. 249.
7. Этнология : учебник для высших учебных заведений / под ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М., 1994. С. 344.
8. Чеченцы: история и современность / сост. и общ. ред. Ю.А. Айдаева. М., 1996. С. 147.
9. Нанаева Б.Б. Указ. соч. С. 300.
10. Там же. С. 301.
11. Там же. С. 304.
12. Вачагаев М. Современное чеченское общество: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: http://www.cas.org/journal/2003/journal_rus/cas-02/02.vacrus.shtml (дата обращения: 08.08.2017).
13. Джабраилов Ю., Абдулаев М., Сулейманов Н. Ислам в системе властно-религиозного диалога на Северном Кавказе: реальность и перспективы // Вестник российской нации. 2015. № 4 (42). С. 141–151.
14. Чеченцы: история и современность. С. 190.
15. Russia and Chechnya: Societies and States / ed. by D.E. Furman. Moscow, 1999. P. 8–9.